

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 821.161.

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1

Колесников С. А. | Когнитивная теологическая поэтика: творение и стихотворение

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
ул. Горького, д. 71, г. Белгород, 308024, Россия; Skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье выступает теологическая поэтика в ее историческом и жанровом многообразии. Ключевой задачей статьи является рассмотрение различных аспектов когнитивных стратегий теологической поэтики, определяющих особенности познавательного процесса в рамках религиозной поэтики. Целью выступает определение структурных компонентов теологической поэтики, включающих симфоническую открытость познавательных парадигм и универсализм, а также определение перспектив развития теологической поэтики. В рамках статьи обосновываются идеи активации когнитивных потенциалов теологической поэтики, кроме того, одной из целей статьи является доказательство когнитивной актуальности теологической поэтики. Методология данного рассмотрения теологической поэтики включает проверку принципиальной возможности использования инструментария когнитивной лингвистики для изучения религиозной поэзии. Результатом становится оригинальная типология ключевых когнитивных задач, включающих формирование познавательного удивления, формирование прототипов познания в рамках религиозной поэзии, выявление контуров духовно-поэтического универсализма и другие. В качестве вывода в статье обосновывается генеральная задача, стоящая перед теологической поэтикой, по созданию «идеального» языка духовно-поэтического познания, который способен объединить поэтические и духовно-когнитивные ресурсы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; теологическая поэтика; поэзия и познание; историческая поэтика

Для цитирования: Колесников С. А. (2025), «Когнитивная теологическая поэтика: Творение и стихотворение», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 5-18. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1

S. A. Kolesnikov | Cognitive theological poetics: creation and poetry

Abstract. The subject of the research in the article is theological poetics in its historical and genre diversity. The key topic of the article is the consideration of various aspects of cognitive strategies of theological poetics, which determine the features of the cognitive process within the framework of religious poetics. The aim is to identify the structural components of theological poetics, including the symphonic openness of cognitive paradigms and universalism, as well as to determine the prospects for the development of

theological poetics. The article sets goals for activating the cognitive potentials of theological poetics, in addition, one of the goals of the article is to prove the cognitive relevance of theological poetics. The methodology of the article is to consider theological poetics from the point of view of cognitive linguistics, to determine the fundamental possibility of using the tools of cognitive linguistics to study religious poetry. The result is an original typology of key cognitive tasks, including the formation of cognitive surprise, the formation of prototypes of cognition within the framework of religious poetry, the identification of contours of spiritual and poetic universalism, and others. As a conclusion, the article substantiates the general task facing theological poetics to create an "ideal" language of spiritual and poetic cognition, which is able to combine poetic and spiritual and cognitive resources.

Keywords: cognitive linguistics; theological poetics; poetry and cognition; historical poetics

For citation: Kolesnikov, S. A. (2024), "Cognitive theological poetics: creation and poetry", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 5-18, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-1

Введение

Концептуализация познания в современных интеллектуальных реалиях выступает одним из самых острых запросов. Кризис обоснования когнитивных стратегий провоцируется расширением «аксиологии пустоты» (Бардамова, 2021: 204), где утопают, среди прочих, и лингвистические проекты миропознания. В связи с этим представляется важной и актуальной активация таких ресурсов познания, в которых когнитивные стратегии выстраиваются на четком структурно-смысловом фундаменте, проверенном идейно-интеллектуальными вызовами времени и способном раскрывать перспективы результативного познания. Одним из таких направлений видится теологическая (теологосная) поэтика (тео-поэтика), в которой органично слиты и верность познавательной традиции, и концептуальная целостность, и познавательная результативность, и методологическая выверенность. Представляется, что рассмотрение тео-поэтики как одной из форм когнитивных стратегий позволяет раскрыть новые аспекты духовно-познавательной роли языка в концептуализации и категоризации

мира, способствует выявлению самобытных когнитивных признаков, характеризующихся опорой на религиозно-поэтическое мировосприятие и открывающих возможность построения таких алгоритмов познания, в которых религиозность и когнитивность оказываются продуктивно соположенными и концептуально гармонизированными.

Особую значимость обретает генезис понятия «теологическая поэтика», который, вобрав традиции теолого-поэтической эстетики – от августиновской поэтической «ритмичности» (В.В. Бычков) до тео-поэтических «фигур» Х. Бальтазара (Carpenter, 2012), – позволяет вернуть подлинный смысл ποιησις как процессу создания нового. Методологический синтез «теологического» и «поэтического» определяет контуры понятийных границ теологической поэтики, которая выступает и как система знаний, и как вид научно-теологической деятельности, и как духовно-социальный ресурс.

Тео-поэтика заявляет свои духовно-эстетические и гносеологические права на конкретную научную область, где встречаются поэтическое и теологическое, область теологического знания, основания которого разрабатываются уже не одно

десятилетие в работах А. Уайлдера (Wilder, 1976), Д. Миллера (Miller, 1989), С. Хоппера (Hopper, 1992), Л. Круз-Вилалобоса (Cruz-Villalobos, 2015) и многих других. Поэтому можно уверенно заявлять, что теологическая поэтика опирается на достаточно представительную научную традицию и должна быть более заметно представлена в отечественной теологии.

Когнитивный «стандарт» тео-поэтики

Неизбывная родственность Богопознания и поэтического слова, открытие самой возможности Богопознания через смысловые асимптомы поэтики выступает опознавательным знаком своеобразного пути развития богословия: через поэтику – поэтику Библии (Alter, 1985), поэтику святоотеческого наследия (Аверинцев, 1997), литургическую поэтику (Седакова, 2017), поэтику самого богословия (Левшун, 2009)... – к чаемой встрече с Божественным. При этом тео-поэтика как форма Богопознания презентует свой познавательный ресурс, предстает в виде определенной когниции с теологическими смыслами укорененного «пред-понимания» в языке (Демьянков, 2005: 5), когниции глубоко религиозной, направленной ко всей полноте познания, определяемого религиозным миропониманием. Под когнитивной тео-поэтикой понимается единство церковно-богословских и литературоведческо-методологических норм и принципов, рассматривающих поэтический текст как творческое познание духовной реальности, основанной на признании Божественного творения и смыслоформируемости бытия, соотнесенного с Божественной волей (Колесников, 2014: 6).

Тео-поэтическая когниция полностью соответствует категориальным параметрам когнитивной среды («когнитивная среда – это порядок, способ упорядочения отношений с миром» (Широнин, 2013: 7)), и вместе с тем обладает уникальным, заложенным в «инструментарии»

богословия, интерференционным свойством по расширению спектра отношений с реальностью. Способность теологии служить «посредником между религией и культурой» (Lonergan, 1973: 22), всеприсутствие теологического мироотношения в каждой страте культуры придают тео-поэтике как художественно-творческому представителю богословия право на построение особой когнитивной среды.

Теологическая поэтика, активирующая религиозный ресурс слова, способна задавать новые горизонты миропознания, учитывая весь многообразный опыт тео-поэтической симфоничности: «В основу литургической поэзии положена ясная память о некоторой большой цельности, о повышенной связности всего со всем: слова со словом, образа с образом, одного эпизода из Писания с множеством других. Можно сказать, что речь здесь развивается не линейно, “одно за другим”, а симфонически: “все одновременно со всем”» (Седакова, 2017: 24). Просторы всеобщности, которые присущи тео-поэтике, позволяют кардинально преобразить установившиеся парадигмы отношений с реальностью, придают вселенский масштаб категоризации, изменяя само представление о человеке. Если принять тезис одного из теоретиков когнитивной поэтики Дж. Лакоффа: «Понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» (Лакофф, 2004: 20), – то познавательная категоризация, производимая тео-поэтикой, открывает возможность не только человеческой, но и Божественной категоризации мира, дает возможность через религиозно-поэтическое слово увидеть форму Божественного мироустройства.

Познание мира, во вне-религиозной поэтике разделенное на множество эпистемологических этапов и когнитивных фильтров (в частности, сложный алгоритм «от абстрактного предложения через конкретное предложение к высказыванию» (Юрченко, 2000: 165)), в тео-поэтике осуществляется выходом напрямую к религиозным смыслам, к смыслам встречи с Божественным. Усложненная фильтрация познания в а(анти-)теистической когниции отсеивает в человеческих словах эхо Божественного, абстрагируется от Божественного «стандарта» миропознания. Тео-поэтика моделирует ситуацию «пропитывания» Божественным личного опыта творческого познания, при этом, конечно, сохраняя своеобразие результативности персональной встречи с Божественным проявлением. Через тео-поэтику становится возможным перезагрузка форматов Богопознания, включение таких форматов в когнитивную среду, при этом минуя излишние, интерпретационно-фильтрующие звенья познания.

Обращение к религиозным смыслам напрямую позволяет теологической поэтике в ее лучших образцах продемонстрировать подлинное предназначение языка, когда «язык – это не знаки, а знание знаков» (Щедровицкий, 2005: 280). «Знание знаков» – знаков пророчеств, мистических знаков, знаков духовной символики... – как поэтическая воплощенность религиозных смыслов и есть основополагающая когнитивная особенность тео-поэтики. Тео-поэтика обнажает сложность знания самого знака, но не выстраивает нарочитую сложность подходов к знакам, свойственную вне-религиозному познанию. Тео-поэтика сохраняет верность внутренней сложности поэтического текста: «В свете когнитивной парадигмы художественный текст осмысливается как сложный знак, где средствами языка репрезентируется индивидуально-авторская концептуальная картина мира. Однако сложность данной

научной проблемы заключается в многогранности художественного (поэтического) языка, который является одновременно и способом передачи информации, и материалом искусства» (Маслова, 2014: 26), – но при этом расширяет когнитивные возможности за счет подключения ресурса Богопознания.

Фокус сложности познания переносится тео-поэтикой на личностное восприятие текста, на духовную результативность процесса чтения: «...акцент ставится не столько на анализе текста, сколько на анализе чтения <...> проблематизация чтения, в свою очередь, сводится к учету разного рода контекстов, а когнитивная поэтика понимается как анализ релевантных контекстов – стилистики и литературных приемов, знаний и верований, фигуративности поэтического языка» (Stockwell, 2002: 11). Не текст (даже самый интеллектуально или образно насыщенный, даже переполненный отточенными дефинициями или яркими образами), а читатель-человек выступает главной целью теологической поэтики, предлагающей сотериологические перспективы именно личности, а не «букве» (2 Кор. 3:6). В таком призвании и раскрывается сущность тео-поэтики: через сотериолого-личностный подход преобразить «стандарты объективности и правильности» («correctness», «rightness» (Goodman, 1978)) в сторону приближения к Божественному «стандарту» познания, в сторону отказа от позиции «невозможности» (Лакофф, 2004: 345) соотношения контуров Богопознания с когнитивной средой реального мира. Тео-поэтика позволяет пойти по пути познавательного обожения, включая религиозные смыслы в когнитивные процедуры, открывает такое направление познания, при котором «стандарт Божественного видения» (Лакофф, 2004: 345) становится ближе и реальнее.

Познание, основанное на религиозной когнитивности (и явленное в яркой художественной форме именно в тео-

поэтике!), способно соответствовать самым актуальным задачам познания, стать тем самым когнитивным шансом, о котором все настойчивее говорит современность: «...у нас еще есть шанс заново, и без ложной патетики, утвердить идею познания как главного средства, выработанного социумом для выживания рода человеческого» (Автономова, 2017: 54). Именно Богопознание через поэтический текст активизирует потенциал выживаемости, сформированный тысячелетней историей христианства, выжившего в сложнейшие исторические периоды, в том числе и за счет активации тео-поэтических ресурсов.

Значимость тео-поэтики для культурного выживания определяется ее тесной связью с богословской методологией, оттачиваемой веками в условиях самых разных цивилизационных вызовов. Тео-поэтика включает в себя и процесс герменевтического сопоставления, и нормативность религиозного сознания, и обретение сотериологической цели (Польсков, 2010: 100). Структурированность богословской методологией придает тео-поэтике масштаб онтологического познания, органично задействующего целый спектр когнитивных стратегий, основанных на онтологии, признающей, что «миропорядок поддерживается извне некими высшими силами; гносеологии, в которой акт познания причастен религиозному опыту; принципах “верующего мышления” <...> на признании последних причин бытия <...> понимании смысла научного творчества как космического акта и продолжения Божественного творения мира» (Воденко, 2012: 12). В сложном союзе богословской методологии и поэтических принципов рождается уникальная парадигма когнитивных задач, формулируемых тео-поэтикой, способной в своей потенциальной открытости создавать новые когнитивные «бленды» («бленды дают возможность не “приращения смысла”, не появления нового знания, а адаптации уже существующего знания к

опыту обычного человека, рядового носителя языка и культуры» (Глебкин, 2013: 171)), восстанавливающие изначальное знание о Божественной сущности бытия.

Спектр когнитивных задач тео-поэтики

Открытость «блендирования» познания через тео-поэтику проявляется и в задачах по совершенствованию религиозно-семантических построений, в уточнении взаимодействия человеческих слов и действительности, соотносительности вербальных смыслов и социальной динамики, отнесенности слов и эмоций (Пинкер, 2016: 12). Религиозная семантика тео-поэтики как раз и наделяет условно «новыми» (как «новое небо» и «новая земля» (Откр. 21:1)) смыслами познавательные линии, разворачивающиеся в тео-поэтических текстах.

В число когнитивных задач теологической поэтики входит и создание прототипических «стандартов» ценности поэтического произведения, путем переосмысления в религиозно-аксиологическом ключе – прежде всего в контексте взаимоотношения святости и реальности – теории прототипов, которую, например, «А. Ричардсон связывает с вопросом о литературной ценности произведения, указывая, что именно благодаря этому качеству прототипические поэты могут выступать в качестве референциальных точек категории» (Лозинская, 2007: 19). Через поэтическое описание, в частности, реалий святости (в широком спектре от «шестивия по небу» у Григория Богослова («О человеческой добродетели») до шестивия «над бороздами покаянных слез» Ольги Седаковой («Варлаам и Иоасаф»)), как раз и возникает пунктир шагов-«точек», референцирующих категории литературной ценности. Ценность литературного произведения в тео-поэтическом контексте определяема как результативный поиск когнитивных возможностей воплощения святости в реалиях действительности, как форма

познания святости глубинными слоями сознания через поэтический текст.

Прототипичность выводит теологическую поэтику к праксисно-этическим задачам по формированию «методов изображения сознания персонажей в нарративных текстах» (Margolin, 2003) и «способов создания характеров» (Culreper, 2001). Религиозный подвижник как ключевой характер-персонаж тео-поэтики являет собой особый тип познания, показывающий и доказывающий через свою святость практическую результативность когнитивной стратегии тео-поэтики. Уникальность тео-поэтики проявляется в том, что она способна в силу вселенской открытости и метафизического всеприсутствия идти параллельно по двум линиям когнитивно-стратегических перспектив – и по пути «стратегии усложнения структуры знаний», и по пути «стратегии регулирования отношений между концептами комплексного формата знаний» (Фурс, 2018: 77). Первый путь прокладывается тео-поэтикой в русле усложненной богословской методологии, представляющей собой образец «сложной структуры знаний»; второй – на основании духовно-когнитивной мобильности тео-поэтики, позволяющей конфигурировать продуктивные отношения между концептами знаний.

Праксисная результативность тео-поэтических когниций определяема тем, что тео-поэтика блендирует концепт как корпускулу знания и художественный образ как «конфигурацию единиц знания, предполагаемые или реализованные межконцептуальные связи» (Маслова, 2014: 59). Тео-поэтический образ – это одновременно и познавательный концепт Боговидения в типологической структуре художественных концептов: от чувственно воспринимаемого ядра поэзии (к примеру, тео-стихия чувств в *Песни песней*) через логико-перцептивные доминанты поэтико-богословских систем (поэтические каноны Андрея Критского) к образно-

эмоциональным концептам (религиозная поэзия Ломоносова и Державина); и вместе с тем тео-поэтичность – это художественный образ «как один из вариантов представления художественного (поэтического) концепта в языке художественного (поэтического) текста и значимый элемент текста» (Маслова, 2014: 61). Органичное сочетание когнитивности и художественности позволяет тео-поэтике перемещаться по всей шкале человеческого опыта (achieve Human Scale), придавая когнитивным процедурам («сжимать то, что разнесено; достигать проникновения в сущность вещей; усиливать значимые связи; составлять из событий историю; идти от Многого к Одному» (Fauconnier, Turner 2002: 312)) результативность миропознания.

Из способности теологической поэтики когнитивно «возлетать» по различным шкалам и линиям развития рождается метазадача познавательного «стандарта»: создание совершенного – идеального! – языка тео-поэтики. Право на создание языка когнитивного совершенства не может исключительно принадлежать рациональности и радикальной логичности, модели идеального языка в концепциях Г. Фреге или Б. Рассела, при всем различии их позиций, претендуют на описание идеального языка только в рамках позитивистского логицизма (парадокс Рассела показывает ограниченность рационального языка даже в обозначенных форматах), а потому за гранью рационального остается поле для создания «инового», тео-поэтического, идеального языка познания. Параметром совершенного тео-языка становится именно его духовно-когнитивная открытость (в том числе и открытость к критике за подобную мобильность), которая парадоксально возвращает в тео-лингвистику человечность как норму познания, актуализирует – через тео-поэтику в том числе – когнитивную значимость «существования *сущностей*» более высокого порядка, чем воспринимаемые

индивидуальные вещи» (Селларс, 2002: 111) (курсив автора. – С.К.). Тем самым, принципиальная возможность создания «идеального» языка за счет ресурсов сверх-рациональности и сверх-эмпиричности имеет право на существование, а тео-поэтика способна предоставить «материалы» для построения концепции совершенного («как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48)) языка познания.

В фокусе метазадачи по созданию идеального тео-поэтического языка формулируются и под-задания, проявляющиеся на самых разных уровнях познания, например, даже в такой, казалось бы, далекой от поэтической сферы области, как социальная инженерия. Так, проблема формирования духовного «когнитариата» (Срничек, 2019: 28), то есть интеллектуалов в сфере духовности, занятых целенаправленно и профессионально познанием, может быть описываема и в категориях тео-поэтики. Примером может служить религиозная поэзия Исаака Сирина в «Постнических словах» или Грегора Нарекаци в «Книге скорбных песнопений», где поэтически был изображен человек, посвящающий свою жизнь Богопознанию. Актуальность и востребованность образа христианского «когнитария», выстраивающего свою познавательную стратегию на основании «возлетания» тео-поэтических смыслов, показывает результативность тео-поэтики в ее активации сверх-политических и даже сверх-исторических ресурсов.

Но, конечно, более близкими для теологической поэтики выступают задания по преобразению мировоззренческого инструментария когнитивности. Закономерно, что построение особой тео-поэтической модели познания начинается с языковых уровней, с презентации поэтического «синтаксиса Бога», «бесконечного синтаксиса» (Ross, 1986), в котором преодолевается эмпирический предел языкового познания. Порог опыта, лежащий в основании вне-религиозного познания (что признается даже рацио-

когнитариумом Дж. Лакоффом: «...опыт в существенном отношении структурирован до и независимо от образования каких-либо концептов. Существующие концепты могут накладывать дополнительное структурирование на опыт, который мы получаем, но базовые структуры опыта присутствуют независимо от какого-либо наложения таких концептов» (Лакофф, 2004: 253)), в религиозной когнитивности отодвигается в до-опытное предчувствие Божественного, выражаемого в образных категориях тео-поэтики.

В когнитивной стратегии тео-поэтики особую роль начинают играть языковые универсалии, призванные показать принципиальную возможность познания как до-эмпирического действия. Тео-поэтика в художественных образах описывает такой метод познания, при котором универсальные концепты выступают непреходящими и вне-опытными основаниями для постижения мира. Так, рекурсия Н. Хомского в тео-поэтике может проявляться как использование универсальной потребности в Божественном в бесконечном многообразии поэтической образности. Неизбывно-универсальное вращение познания «вокруг» идеи Божественности позволяет тео-поэтике воспроизводить универсальные смыслы на каждом новом этапе развития культуры – от библейского призыва «во всех путях твоих познавай Его» (Притч. 3:6) до «Рождественского романса» И. Бродского, видевшего в Богопознании особый этап совершенствования своего поэтической когниции – познания смысла человеческого рождения: «С тех пор как я принялся писать стихи всерьез, – я к каждому Рождеству пытался написать стихотворение – как поздравление с днем рождения» (Бродский, 2000: 557).

Универсальное присутствие Богопознания в поэтических произведениях укладывается в парадигму «литературных универсалий» А. Ричардсона, выявляющего такие аспекты литературного

миропознания, которые должны имплицитно «обнаруживаться в различных культурах в узнаваемой форме» (Richardson, 2004: 10). Идея «универсальной литературы», разрабатываемая П. Хоганом, характеризует литературные универсалии как «характеристики (свойства, отношения, структуры) произведений одного типа (например, нарративных), встречающиеся в генетически не связанных и не влиявших друг на друга традициях с большей частотой, чем можно было бы предсказать, исходя из теории вероятности» (Hogan, 2016), – а в рамках тео-поэтики как раз и происходит рекурсивное воспроизведение познавательных смыслов. Перечень универсалий, воспроизводимых в тео-поэтике, достаточно широк, ведь «универсальными могут быть как отдельные литературные техники, так и нетехнические корреляции (nontechnical correlation)» (Лозинская, 2007: 129). Литургические песнопения, «тропари, стихиры, ирмосы, кондаки, икосы, светильны, степенны... догматики, задостойники, крестобогородичны, хвалитны, изобразительны... самогласны, подобны, самоподобны» (Седакова, 2017: 8) – все эти «рекурсивно» воспроизводящиеся на протяжении столетий жанры отражают причастность теологической поэтики к универсалиям познания, показывают неизбывность когнитивной интенции тео-поэтического миропознания.

Кроме того, к «классическому» универсализму литературного познания тео-поэтика способна добавить ключевую доминанту: религиозная поэзия позволяет обратиться через художественно-языковой «портал» к восприятию уже не только очеловеченных универсалий, но и универсалий Божественного «стандарта», демонстрирует принципиальную возможность соположения/уподобления человеческого и Божественного познания мира. Принятие универсалий в тео-поэтический контекст переводит познание

на качественно иной уровень, где универсалии преобразуются в трансценденталии, в которых за «вещью», описываемой в тео-поэтических образах, раскрывается «идентичность Благого и Сущего» (Гагинский, 2021: 70). Через универсалистскую познаваемость тео-поэтики начинает проступать Богопознание, именно в тео-поэтике воплощается когнитивная установка Хомского на предопределенность языка: «Язык развивается изнутри предопределенным образом» (Хомский, 1972: 94). Божественная предопределенность языка прорывается через тео-поэтику, дает возможность привести в человеческое познание элементы – пусть и «сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор 13:12) – Богопознания. Преобразование предела между человеческим и Божественным познанием предстает в тео-поэтике как раз в виде когнитивно-семантической универсалий – и в Книге Премудрости Соломона (Прем. 13:1-2), и в «Концоньере» Петрарки, и в духовных стихах С.С. Аверинцева...

Тео-поэтика в своей трансцендентально-когнитивной стратегии реализует принцип преобразования языкового выражения, при котором «языковое выражение не служит контейнером для своего значения, оно выступает в качестве подсказки (prompt), стимулирующей процесс конструирования смысла в рамках конкретной дискурсивной ситуации. Таким образом, практически любое высказывание становится неоднозначным, допускает различные интерпретации» (Лозинская, 2007: 34). Неоднозначность теологической поэтики, ее полиинтерпретативность позволяет задать особые параметры когнитивности, выводящие познание на простор миропонимания, в котором реактивируются изначальные – предопределенные! – модели познания, где появляется место (со всей развернутостью когнитивной парадигмы «места» – от «Толкá» Аристотеля до «lieu de mémoire»

П. Нора), например, для онтологического удивления как первоимпульса к познанию. Когнитивная открытость, возможность всего и удивление перед распахнувшейся вселенной смысла – именно это позволяет сформировать тео-поэтике модель удивляющейся личности, («человек как существо, удивляющееся самому себе» (Ажеж, 2003: 12)), удивляющейся раскрытию в ней дара познания. Так, библейская поэтика Книги Иова, весь когнитивно-поэтический драматизм вопрошаний ветхозаветного праотца формирует пространство познавательного удивления-изумления. Тео-поэтическая закольцовка – все то же проявление универсальности – перебрасывает когнитивистику удивления и в поэтику Нового Завета: «Факт личности Иисуса Христа так чудесен и одновременно так реален. Павел находится перед этим фактом без каких бы то ни было оговорок, совершенно удивленный, и он пребывает перед ним именно как перед этим решительным фактом, перед Иисусом Христом» (Барт, 2010: 54). Фактология удивления, создаваемая тео-поэтикой, и есть задача ее когнитивной стратегии, важное условие результативности тео-поэтического познания.

Из сущности задачи по активации когнитивного удивления порождается и следующий уровень познания: определение контуров подлинной новизны. Тео-поэтика предлагает свой вариант евангельской модели миропознания, явленной в когнитивной максиме «будьте как дети» (Мф. 18:3), выраженной в постановке проблемы нового знания и способов познания открывающейся новизны. Здесь снова проявляется внутренняя целостность когнитивной стратегии тео-поэтики, основанной на принятии детскости как опыта предопределенного познания: «Ребенок при рождении не может знать, каким языком ему предстоит овладеть, но он должен знать, что его грамматика должна иметь заранее предопределенную форму» (Хомский, 1972: 108). Возвращение

посредством тео-поэтики в новизну детского восприятия, принятие модели «детского» познания, видящего мир как пространство «новой земли и нового неба», формулирует когнитивную задачу, явленную для примера в образе Христа-младенца, в целом в рождественской тематике поэтических произведений.

Опыт нахождения новизны как когнитивный опыт неизбежно присущ христианству, в этом состоит когнитивная динамика между познавательной поэтикой Ветхого и Нового Заветов. Подлинность новизны, острота познаваемой новизны становится импульсом к построению когнитивной стратегии теологической поэтики – как в целом, так и в области метафизики. (Показателен современный призыв к метафизической новизне: «XX в. прошел под знаком кризиса метафизики, но это значит, что нас уже не удовлетворяет старая метафизика – пришла пора создавать новую» (Волкова, Синеокая, Гагинский, 2018: 107).) Тео-поэтика как раз и предлагает свою версию принципиальной новизны как познавательной задачи, свою когнитивную концепцию непреходяще-универсальной новизны, исходящей из бесконечной глубины поэтических смыслов Богопознания. Ведь даже поэтика еще Ветхого Завета исходила из того, что имя Бога – одно единственное слово! – включало в себя все мироздание: «само имя Яхве – сокращение древней формулы Заставляющий-быть-все-сущее» (Аверинцев, 2004, URL), и в этом слове сокрыта подлинная новизна, которую и призвана познать тео-поэтика...

Заключение

Принятие теологической поэтики как результативного когнитивного ресурса, как особой методологии художественного познания позволяет включить в познание такие уникальные модели, как когнитивная симфоничность, открытость познавательных парадигм самым разным сферам миропознания. Через активацию поэтического описания Божественного всеприсутствия изменяется роль

познающего, на первый план выходит когнитивно-сотеариологическое единство познания и спасения, само познание в рамках тео-поэтики оказывается соположенным спасению. Тео-поэтические произведения формируют стратегию познавательного обожения, которое может стать когнитивным шансом на преобразование и построение духовно-интеллектуальных перспектив.

Активируя в своей смысловой архитектонике Божественный «стандарт» познания, теологическая поэтика опирается на мощную богословскую традицию Богопознания, что позволяет ей выйти на онтологический масштаб познавательных задач. Именно внутренняя структурированность и внешняя масштабность дают тео-поэтике право на формулировку когнитивных задач, на принципиальное видение векторов познания в виде своеобразного «алгоритма» целеполагания, определяющего задания на самых разных познавательных уровнях. Это могут быть и задачи «локального», праксисно-этического характера, такие как определение социально-этических контуров духовного «когнитариата», создание прототипических «стандартов» ценности и определение «весовой» значимости моделей когнитивного поведения, основанного на религиозной системе ценностей, и другие. Художественно-языковые возможности тео-поэтики расширяют мировоззренческий инструментарий когнитивности, активируя прежде всего опыт универсалистского языкового миропознания, способного в своей симфоничности к «блендированию» познавательного концепта как «единицы знания» и художественного образа, что приводит к принципиальной возможности соположения/уподобления человеческого и Божественного познания мира.

К числу когнитивно-мировоззренческих задач тео-поэтики можно отнести и построение моделей

«детского» познания, что, в свою очередь, ведет к формированию установки на когнитивное удивление перед безграничными просторами смысловых вселенных и открытие принципиального присутствия новизны в познавательных стратегиях.

Но теологическая поэтика готова предложить и мета-задачу познавательного «стандарта»: создание совершенного – идеального! – языка познания, основанного на признании Божественного творения и соотносящего стихотворение и Творение. Только в таком случае, как представляется, способно возникнуть понимание подлинной свободы познания, ведь «поэзия уникальна в том отношении, что само ее средство безгранично и свободно; иными словами, ее средство – язык – представляет собой систему с неограниченным потенциалом инноваций, используемых для формирования и выражения мысли» (Хомский, 2005: 47). Тео-поэтика предлагает свой вариант возвращения свободы в познание, свое восприятие освобожденности в постижении мира. Мудрость и свобода есть те когнитивные концепты, которые через яркость тео-поэтических образов становятся ориентирами на пути Богопознания, где явится «Бог, Которого отчасти уже постигаем, отчасти стараемся постигнуть и некогда постигнут те, которые хорошо Его искали здесь и в жизни, и в созерцании» (Григорий Богослов, 2007: 326). Такую надежду на «хорошее» (Быт. 1:31) постижение мира и необходимо рассматривать как ключевой духовно-когнитивный результат тео-поэтики.

Литература

- Аверинцев, С. С. (2004), «Литература Ветхого Завета», *Альфа и Омега*, 41, URL: <https://www.pravmir.ru/literature-vethogo-zaveta/> (дата обращения 20.08.2024.)
- Аверинцев, С. С. (1997), *Поэтика ранневизантийской литературы*, Сода, Москва.
- Автономова, Н. С. (2017), *Познание и перевод. Опыты философии языка*, Центр

гуманитарных инициатив, Москва; Санкт-Петербург.

Ажеж, К. (2003), *Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки*, пер. с фр. Нарумова, Б. П., Едиториал УРСС, М.: 2003.

Бардамова, Е. А. (2021), «Аксиология пустоты», *Вестник Пятигорского государственного университета*, 4, 204-208.

Барт, К. (2010), *Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам*, пер. с нем. Хулапа, В. и Витковского, В., Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Москва.

Бродский, И. (2000), *Большая книга интервью*, сост. Полухина, В., изд. Захаров, Москва.

Воденко, К. В. (2012), «Религия и наука в европейской культуре: динамика соотношения когнитивных практик», дис. ... доктора философских наук, ЮФУ, Ростов-на-Дону.

Волкова, Н. П., Синеокая, Ю. В. и Гагинский, А. М. (2018), «Открывает ли философия новое», *Человек*, 6, 98-113.

Гагинский, А. М. (2021), «Transcendentalia entis как актуальный философский проект», *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 95, 67–87.

Глебкин, В. В. (2013), «Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа», *Вопросы философии*, 9, 161-174.

Григорий Богослов. (2007), *Слова. В 2 тт. Т. 1*, Сибирская благовонница, Москва.

Демьянков, В. З. (2005), «Когниция и понимание текста», *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 5-10.

Колесников, С. А. (2014), *Православная теология XX века: духовно-нравственный праксис антидеструктивности и созидания*, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород.

Лакофф, Дж. (2004), *Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении*, пер. с англ. Шатуновский И. Б., Языки славянской культуры, Москва.

Левшун, Л. В. (2009), *О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–*

XVII веков, Белорусская Православная Церковь, Минск.

Лозинская, Е. В. (2007), *Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор*, РАН. ИНИОН. Центр гуманист. научн.-информ. исслед. Отд. литературоведения, Москва.

Маслова, Ж. Н. (2014), *Введение в когнитивную поэтику*, Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов.

Пинкер С. (2016), *Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу*, пер. с англ. Мурат, В. П. и Ульяновой, И. Д., изд. 2-е, испр., URSS, ЛИБРОКОМ, Москва.

Польсков, К. О. (2010), «К вопросу о научном богословском методе», *Вопросы философии*, 7, 93-101.

Седакова, О. А. (2017), *Маришны слезы. Комментарии к православному богослужению. Поэтика литургических песнопений*, Благодетство, Москва.

Селларс У. (2002), «Грамматика и существование: Предисловие к онтологии», *Язык, истина, существование*, сост. Суворцев, В. А., Изд-во ТомГУ, Томск, 111–154.

Срничек, Н. (2019), *Капитализм платформ*, пер. Добряковой, М., Изд. дом ВШЭ, Москва.

Фурс, Л. А. (2018), «Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания», *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2, 74-78.

Хомский, Н. (2005), *Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли*, пер. с англ., предисл. Нарумова, Б. П., КомКнига, Москва.

Хомский, Н. (1972), *Язык и мышление*, пер. с англ. Городецкого, Б. Ю., Изд-во МГУ, Москва.

Широнин, В. М. (2013), *Когнитивная среда и институциональное развитие*, Изд-во СПбГЭУ, Санкт-Петербург.

Щедровицкий, Г. П. (2000), *Знак и деятельность*, Восточная литература, Москва.

Юрченко, В. С. (2000), *Очерки по философии языка и философии языкознания*, Саратовский педагогический институт, Саратов.

Alter, R. (1985), *The Art of Biblical Poetry*, Basic Books, New York.

- Carpenter, A. (2012), «Theo-Poetics: Figure and Metaphysics in the Thought of Hans Urs von Balthasar», Ph.D. Thesis, available at: https://publications.marquette.edu/dissertations_mu/191 (accessed: 20.08.2024.)
- Cruz-Villalobos, L. (2015), *Theological Poetry*, Hebel Ediciones, Santiago de Chile.
- Culpeper, J. (2001), *Language and characterization: People in plays and other texts*. Longman, London.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (2002), *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, Basic Books, New York.
- Goodman, N. (1978), *Ways of Worldmaking*, Hackett, Indianapolis.
- Hogan, P. C. (2016), “What are literary universals?”, *Literary universals project*, University of Connecticut, URL: <https://literary-universals.uconn.edu/2016/10/10/what-are-literary-universals/> (accessed: 20.08.2024)
- Hopper, S. (1992), *The Way of Transfiguration: Religious Imagination As Theopoiesis*, John Knox Press, Westminster.
- Lonergan Bernard, J. F. (1973), *Philosophy of God and Theology*, Darton, Longman and Todd, London.
- Margolin, U. (2003), “Cognitive science, the thinking mind, and literary narrative”, *Narrative theory and the cognitive sciences*, Center for the study of language and information, Stanford (CA), 271–294.
- Miller, D. (1989), *Hells and holy ghosts: a theo-poetics of Christian belief*, Abingdon Press, Nashville, USA.
- Richardson, A. (2004), “Studies in literature and cognition: A field map (introduction)”, *The work of fiction: Cognition, culture, and complexity*, Spolsky, E & Richardson, A. (ed.), Routledge, London, 1–29. DOI: 10.4324/9781315236544.
- Ross, J. R. (1986), *Infinite syntax!*, ALEX, New York.
- Stockwell, P. (2002), *Cognitive Poetics: An Introduction*. Routledge, London and New York.
- Wilder, A. (1976), *Theopoetic: Theology and the Religious Imagination*, Fortress, Philadelphia.
- Byzantine literature], Coda, Moscow, Russia. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. (2004), “Literatura Vetkhogo Zaveta” [Literature of the Old Testament], *Alpha and Omega*, 41, available at: <https://www.pravmir.ru/literature-vethogo-zaveta/> (Accessed 20 August 2024.) (In Russ.).
- Avtonomova, N. S. (2017), *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experiments in the Philosophy of Language], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, St. Petersburg, Russia. (In Russ.).
- Bardamova, E. A. (2021), “The axiology of emptiness”, *Pyatigorsk State University Bulletin*, 4, 204–208. (In Russ.).
- Barth, K. (2010), *Tolkovanie Poslaniy k Rimlyanam i Filippiytsam* [Brief explanation of the Epistle to the Romans; Explanation of the Epistle to the Philippians (Kurze erklärung des römerrbriefes; Erklärung des Philipperbriefes)], transl. from German by V. Hulap and V. Vitkovsky, St. Andrew's Bible and Theological Institute, Moscow, Russia. (In Russ.).
- Brodsky, I. (2000), *Bolshaya kniga interviyu* [The Big Book of interviews], comp. V. Polukhina, Zakharov, Moscow, Russia. (In Russ.).
- Carpenter, A. (2012), «Theo-Poetics: Figure and Metaphysics in the Thought of Hans Urs von Balthasar», Ph.D. Thesis, available at: https://publications.marquette.edu/dissertations_mu/191 (Accessed 20 August 2024.)
- Chomsky, N. (2005), *Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoy mysli* [Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought], transl. by Narumov, B. P., KomKniga, Moscow, Russia. (In Russ.).
- Chomsky, N. (1972), *Yazyk i myshlenie*. [Language and mind], transl. by Gorodetsky, B. Yu., Publishing House of Moscow State University, Moscow, Russia. (In Russ)
- Cruz-Villalobos, L. (2015), *Theological Poetry*, Hebel Ediciones, Santiago de Chile, Chile.
- Culpeper, J. (2001), *Language and characterization: People in plays and other texts*. Longman, London, UK.
- Demyankov, V. Z. (2005), “Cognition and understanding of text”, *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 5–10. (In Russ.).
- Fauconnier, G. & Turner, M. (2002), *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*, Basic Books, New York, USA.

References

Alter, R. (1985), *The Art of Biblical Poetry*, Basic Books, New York, USA.

Averintsev, S. S. (1997), *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early

Furs, L. A. (2018), "The interplay of cognitive and metacognitive levels in the formation of complex knowledge", *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 74-78. (In Russ.)

Gaginsky, A. M. (2021), "Transcendentalia Entis as a Currently Relevant Philosophical Project", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 95, 67-87. (In Russ.)

Glebkin, V. V. (2013), "The theory of the conceptual integration of G. Fauconnier and M. Turner: attempt of system analysis", *Voprosy filosofii*, 9, 161-174. (In Russ.)

Goodman, N. (1978), *Ways of Worldmaking*, Hackett, Indianapolis, USA.

Gregory the Theologian (2007), *Slova. T. 1.* [Words. Vol. 1]. Sibirskaya blagovestnitsa, Moscow, Russia. (In Russ.)

Hagege, C. (2003), *Chelovek govoryashchiy. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [The man of words. Contribution of linguistics to the humanities. (L'homme de paroles)], transl. from French by Narumov, B. P., Editorial URSS, Moscow, Russia. (In Russ.)

Hogan, P. C. (2016), "What are literary universals?", *Literary universals project*, University of Connecticut, USA, URL: <https://literary-universals.uconn.edu/2016/10/10/what-are-literary-universals/> (Accessed 20 August 2024)

Hopper, S. (1992), *The Way of Transfiguration: Religious Imagination as Theopoesis*, John Knox Press, Westminster, UK.

Kolesnikov, S. A. (2014), *Pravoslavnyaya teologiya XX veka: dukhovno-nravstvennyy praksis antidestruktivnosti i sozidaniya* [Orthodox theology of the twentieth century: spiritual and moral praxis of anti-destructiveness and creation], Publishing House "Belgorod" of the National Research University "BelSU", Belgorod. (In Russ.)

Lakoff, J. (2004), *Zhenshchiny, ogon i opasnyye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What the Categories of Language Tell Us About Thought], transl. from English by Shatunovsky, I. B., Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia. (In Russ.)

Levshun, L. V. (2009), *O slove preobrazhennom i slove preobrazhayushchem. Teoreticheskiy ocherk istorii vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI-XVII vekov* [About the Word transfigured and the

word transforming. A theoretical sketch of the history of the East Slavic book word of the 11-17th centuries], Belarusian Orthodox Church, Minsk, RB. (In Russ.)

Lonergan Bernard, J. F. (1973), *Philosophy of God and Theology*, Darton, Longman and Todd, London, UK.

Lozinskaya, E. V. (2007), *Literatura kak myshlenie: Kognitivnoye literaturovedenie na rubezhe XX-XXI vekov: Analiticheskiy obzor* [Literature as thinking: Cognitive Literary studies at the turn of the 20–21st centuries: An analytical review], Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Center for Humanitarian Research and Information Studies, Department of Literary Studies, Moscow, Russia (In Russ.)

Margolin, U. (2003), "Cognitive science, the thinking mind, and literary narrative", *Narrative theory and the cognitive sciences*, Center for the study of language and information, Stanford (CA), 271–294.

Maslova, Zh. N. (2014), *Vvedenie v kognitivnyuyu poetiku* [Introduction to cognitive poetics], Publishing House of G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia (In Russ.)

Miller, D. (1989), *Hells and holy ghosts: a theo-poetics of Christian belief*, Abingdon Press, Nashville, USA.

Pinker, S. (2016), *Substantsiya myshleniya: yazyk kak okno v chelovecheskuyu prirodu* [The stuff of thought], transl. by Murat, V. P. & Ulyanova, I. D., 2nd ed., corrected, URSS, LIBROCOM, Moscow, Russia. (In Russ.)

Polskov, K. O. (2010), "On the issue of scientific theological method", *Voprosy filosofii*, 7, 93-101. (In Russ.)

Richardson, A. (2004), "Studies in literature and cognition: A field map (introduction)", *The work of fiction: Cognition, culture, and complexity*, Spolsky, E & Richardson, A. (ed.), Routledge, London, 1–29. DOI: 10.4324/9781315236544.

Ross, J. R. (1986), *Infinite syntax!*, ALEX, New York, USA.

Sedakova, O. A. (2017), *Mariiny slezy. Kommentarii k pravoslavnomu bogoslužheniyu. Poetika liturgicheskikh pesnopeniy* [Mary's tears. Comments on Orthodox worship. Poetics of Liturgical Hymns], Blagochestiye, Moscow, Russia. (In Russ.)

Sellers, W. (2006), «Grammar and Existence: Preface to Ontology», *Yazyk, istina,*

sushchestvovanie [Language, truth, existence], comp. Surovtsev, V. A., Tomsk State University, Tomsk, Russia. (In Russ.).

Shchedrovitsky, G. P. (2005), *Znak i deyatel'nost'* [Sign and activity], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia (In Russ.).

Shironin, V. M. (2013), *Kognitivnaya sreda i institutsionalnoe razvitiye* [Cognitive environment and institutional development], Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (In Russ)

Srnichek, N. (2019), *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], transl. by Dobryakova, M., HSE Publishing House, Moscow, Russia. (In Russ)

Stockwell, P. (2002), *Cognitive Poetics: An Introduction*. Routledge, London and New York, USA.

Vodenko, K. V. (2012), "Religion and science in European culture: dynamics of the correlation of cognitive practices", D. Sc. Thesis on Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, available at: <http://www.dslib.net/filosofia-religii/religija-i-nauka-v-evropejskoj-kulture-dinamika-sootnosheniya-kognitivnyh-praktik.html>] (accessed on 20.08.2024.) (In Russ.).

Volkova, N. P., Sineokaya, Y. V. & Gaginsky, A. M. (2018). "Does Philosophy Discover Something New?", *Chelovek*, 6, 98-113 DOI: 10.31857/S023620070002347-8 (In Russ.).

Wilder, A. (1976), *Theopoetic: Theology*

and the Religious Imagination, Fortress, Philadelphia, USA.

Yurchenko, V. S. (2000), *Ocherki po filosofii yazyka i filosofii yazykoznaniiya* [Essays on the philosophy of language and the philosophy of Linguistics], Saratov Pedagogical Institute, Saratov, Russia (In Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-3829-6167

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-3829-6167